

Юрий ПОЛЯКОВ:

От писателей остаются хорошие книги и плохие поступки

Мир за неделю, 1999, — 18-25 сент. — с. 11

Александр НЕВЕРОВ,
Леонид ПАВЛЮЧИК
Труд. Подписной индекс 50130

«Самым молодым классиком» называл Юрия Полякова еще несколько лет назад Сергей Михалков. Читатель всегда ждет новые книги этого московского писателя. Недавно издательство «Молодая гвардия» выпустило роман «Замыслил я побег...», который стал заметным событием Московской международной книжной ярмарки. На ярмарке и состоялась беседа корреспондентов «Труда» с Юрием Поляковым.

— Юрий Михайлович, что чувствует писатель, держа в руках свою только что выпущенную, пахнущую типографской краской книгу?

— Сожаление. Всегда в последний момент кажется, будто можно было написать лучше. Хотя, впрочем, это иллюзия, я работаю над вещами подолгу, до тех пор, пока текст не начинает меня как бы отталкивать: мол, хватит, до дыр протрешь!

— Несмотря на всю сложность композиции, проблематики, читается он на одном дыхании. Что это — все-таки дань рынку?

— Писатель не имеет права писать скучно. Занимательность — вежливость литератора. Так называемую «серьезную», точнее, скучную литературу придумали филологи и философы, занявшие не своим делом. Если я хочу мыслительного чтения, то я возьму с полки «Розу мира», «Опавшие листья», Льва Гумилева, отцов Церкви... А если художественного — то Чехова, Бунина, Булгакова, Платонова...

Хорошая, художественная литература должна вызывать проникающий трепет сопереживания, а не головную боль от интертекстуальных аллюзий. К сожалению, мы живем в мире самопровозглашенных талантов. Оглянитесь: косноязычные дикторы, увенчанные всевозможными премиями, безголосые певцы, именуемые звездами, выдающиеся политики, провалившие все, за что брались, знаменитые поэты, не написавшие ничего приличного...

Представьте себе цирк. Выходит жонглер и все время роняет тарелки на манеж. Сначала публика свистит. Потом начинают появляться статьи и трактаты, доказывающие, что настоящее жонглирование и состоит в том, чтобы ронять тарелки. Роняющий становится лауреатом международной премии «Золотые руки». Публика привыкает и уже с удивлением смотрит на чудака жонглера, который, обливаясь потом, не уронил за весь номер ни одной тарелки. Увы, эта прозрачная аллегория распространяется сегодня и на нашу политику, на нашу культуру...

— Насколько помнится, именно этой коллизии посвящен ваш предыдущий роман «Козленок в молоке». Роман очень смешной и очень злой...

— Кстати, за три года этот роман вышел уже семью изданиями. А это как раз подтверждает, что засилье «самопровозглашенных талантов» беспокоит очень многих. Скоро в Театре имени Р. Симонова, руководимом В. Шалевичем, состоится премьера инсценировки «Козленка». Ставит спектакль Э. Ливнев, и, по моему, получается очень смешно. Кстати, в русской литературе — вспомните Гоголя! — самозванство всегда наказывали осмеянием.

— В прежние годы вас часто экранизировали и инсценировали. Достаточно вспомнить нашумевший фильм С. Снежкина «ЧП районного масштаба» или много лет шедший с аншлагами спектакль «Работа над ошибками» в питерском театре имени Брянцева. А как сегодня?

— По-всякому. Больше всего жалею об экранизации моей повести «Апофегей», запущенной на студии имени Горького, но так и не законченной из-за начавшейся шоковой терапии. Сейчас С. Снежкин намеревается снять фильм по моей повести «Небо падших». Ищем деньги. Работаем над сценарием.

Когда сегодня размышляют о проблемах современного российского кино и жалуются на его невысокий уровень, забывают о подлинной первопричине. Из нашего кино ушла литература. Точнее, ее «ушли». А кино без литературы — как живопись без рисунка. Покойный Евгений Габрилович вообще считал киносценарий литературным жанром. Кстати, в 86-м году он, прочитав «ЧП районного масштаба», позвонил мне и предложил написать в соавторстве сценарий. И вот мы втроем — он, я и режиссер Леонид Эйдин сели в Доме ветеранов кино и принялись за работу. Писали мы, разумеется, о перестройке, но писали литературу, и чем дольше мы ее писали, чем живее становились придуманные герои, тем все более странная картина вырисовывалась. Пламенный реформатор, задуманный как положительный герой, по ходу дела оказывался мерзавцем, а консерватор, наоборот, вполне приличным человеком. И перестройка, которую мы художественно смоделировали в отдельно взятом провинциальном райкоме, вылившись в цепочку нравственных падений и предательств, закончилась полной катастрофой. Было это в 1987 году. «Мосфильм» отверг сценарий, несмотря на предварительные договоренности и непрекращаемый авторитет Габриловича. Нам объяснили, что мы замахнулись на святое, а мы всего лишь были художественно последовательны. И эта художественная логика оказалась куда дальновиднее логики политиков. Знаете, у писателей в сердце есть какой-то особый «радарчик», и он начинает эдак попискивать, когда улавливает опасные для общества явления. Вообще, на мой взгляд, политика без литературы превращается в кровавые шахматы. Сейчас много говорят об отсутствии политической воли. Неправда. Политической воли у нас до чертовой матери — вон какую свалку вокруг Кремля устроили! У нас острейший дефицит политической совести...

— Политикой не собираетесь заниматься? В Думу баллотироваться?

— В России писатель — всегда политик. Из-за чего погиб Пушкин — из-за жены или из-за политики? Скорее все-таки из-за политики. А надо ли писателю заседать в Думе? Если не пишется, почему бы нет. Полагаю, литератор в парламенте уместнее и полезнее, нежели шоумен или же «фанерный» певец. А если пишется, то, конечно, лучше заседать за своим письменным столом. В конце концов кто помнит, что Шолохов был депутатом? А Олеша придумал выражение «инженеры человеческих душ», столь понравившееся Сталину? В памяти потомков от литераторов остаются только очень хорошие книги и очень подлые поступки.